

Титов Владимир Павлович

**Уединенный домик на
Васильевском: Повесть**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Павлович Т.**
Уединенный домик на Васильевском: Повесть / Титов Владимир Павлович –
М.: Книга по Требованию, 2022. – 80 с.

ISBN 978-5-519-76771-2

ISBN 978-5-519-76771-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ПОВѢСТИ ПУШКИНА.

Для тѣхъ, кто умѣетъ читать и любить Пушкина, «петербургскія» его повѣсти сами собой слагаются въ замкнутый, неразрывный циклъ. «Домикъ въ Коломнѣ», «Мѣдный Всадникъ» и «Пиковая Дама» составляютъ этотъ магическій кругъ, въ который поэтъ вводитъ насъ силой таинственного своего генія. Мы переступаемъ черту и оказываемся замкнутыми въ необычайномъ, доселѣ невѣдомомъ мірѣ, котораго законы совершенно своеобразны, но непреложны, какъ законы нашего повседневнаго міра.

Казалось бы, самая атмосфера, въ которой протекають замысловатые, но немного нелѣпныя событія «Домика въ Коломнѣ», безконечно чужда хаотическимъ видѣніямъ «Мѣднаго Всадника» или сумрачнымъ страстямъ «Пиковой Дамы». Все просто и обыденно въ «Домикѣ въ Коломнѣ», все призрачно и опасно въ «Мѣдномъ Всадникѣ», все напряженно и страстно въ «Пиковой Дамѣ». Но что-то есть общее между ними. Мы смутно чувствуемъ это общее—и не умѣемъ назвать его. Мы прибѣгаемъ къ рискованному способу: образами говоримъ объ образахъ, но тѣмъ лишь затемняемъ ихъ изначальный смыслъ. Мы говоримъ о «петербург-

скомъ воздухѣ», о дымкѣ, нависшей надъ «топкими берегами»,—и въ концѣ концовъ сами отлично знаемъ, что разрѣшеніе загадки не здѣсь. Во всякомъ случаѣ—не только здѣсь.

Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь нельзя же признать, что всѣ три повѣсти такъ неразрывно связаны въ нашемъ сознаніи только потому, что мѣстомъ ихъ дѣйствія является «Петербургъ». Если власть его, какъ «простертая рука» Петра, ощущается надъ всѣми дѣйствующими лицами «Мѣднаго Всадника», то уже въ примѣненіи къ «Домику въ Коломнѣ» нельзя говорить о томъ же безъ крайней натяжки. Что же касается «Пиковой Дамы», то въ ней Петербургъ, какъ таковой, не играетъ никакой роли. И однако, мы чувствуемъ, что всѣ три повѣсти внутренне чѣмъ-то связаны.

И не личность Петра, не проблема «петербургскаго періода» русской исторіи составляетъ эту связь. Какъ бы ни были интересны, многозначительны и подчасъ глубоки извѣстныя намъ толкованія «Мѣднаго Всадника»,—ни одно изъ нихъ не въ силахъ раскрыть прямую связь этой повѣсти съ «Домикомъ въ Коломнѣ» и «Пиковой Дамой». Ни одно изъ этихъ толкованій не простирается за предѣлы «Мѣднаго Всадника», не перебрасываетъ моста къ другимъ, тоже петербургскимъ повѣстямъ Пушкина. Приходится воспользоваться старымъ сравненіемъ, но мы дѣйствительно угадываемъ эту связь, еще не видя ее, какъ астрономы умѣютъ уга-

дѣвать существованіе звѣзды, еще недоступной ихъ оптическимъ инструментамъ.

До очень недавнихъ дней нельзя было надѣяться, что тайна можетъ получить разрѣшеніе, сколько-нибудь прочно обоснованное. Врядъ ли въ исторіи русской литературы есть еще хоть одна область, столь же хорошо разработанная, какъ изученіе Пушкина, и однако ни одна гипотеза, которая пыталась бы вскрыть прямое взаимоотношеніе «Домика въ Коломнѣ», «Мѣднаго Всадника» и «Пиковой Дамы», не могла опереться ни на какія документальныя данныя. Лишь недавно сдѣлано было открытіе, можетъ быть не до конца оконченное даже тѣми, кто его сдѣлалъ: въ концѣ 1912 года П. Е. Щеголевымъ и Н. О. Лернеромъ почти одновременно была напечатана повѣсть, впервые появившаяся въ альманахѣ «Сѣверные Цвѣты» на 1829 годъ за подписью Тита Космокротова.

Она называется «Уединенный домикъ на Васильевскомъ». Исторія ея, съ несомнѣнною доказанная обоими названными изслѣдователями, въ общихъ чертахъ такова. Однажды вечеромъ, въ 1829 году, у Карамзиныхъ, Пушкинъ разсказалъ изложенную въ «Уединенномъ домикѣ» повѣсть небольшому кружку слушателей. Въ числѣ ихъ находился молодой литераторъ В. П. Титовъ. Повѣсть произвела на него впечатлѣніе, и онъ, придя домой, записалъ ее. Затѣмъ отнесъ Пушкину, тотъ про-

смотрѣлъ записки, — и въ результатѣ повѣсть была напечатана въ редакціи Титова, но съ пушкинскими поправками, въ альманахѣ бар. А. А. Дельвига.

О томъ, что «нѣкто Титовъ» записалъ со словъ Пушкина «сказку про чорта, который ѣздит на извозчикѣ на Васильевскій островъ», — рассказала въ запискахъ своихъ еще А. П. Кернъ. Однако, вмѣсто «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», въ которыхъ былъ напечатанъ рассказъ, она ошибочно назвала альманахъ «Подснѣжникъ». Позднѣе ошибка ея была исправлена, но только въ 1912 г., съ выходомъ книги бар. И. А. Дельвига «Мои воспоминанія», стало возможно съ увѣренностью приписывать замыселъ «Уединеннаго домика» Пушкину. Въ воспоминаніяхъ бар. И. А. Дельвига помѣщено письмо самого Титова, излагающее исторію повѣсти. Пятьдесятъ лѣтъ спустя послѣ того, какъ «Уединенный домикъ» былъ напечатанъ, Титовъ (онъ же Титъ Космократовъ) рассказываетъ:

«Въ строгомъ историческомъ смыслѣ это все не продуктъ Космократова, а Александра Сергѣевича Пушкина, мастерски рассказавшаго всю эту чертовщину уединеннаго домика на Васильевскомъ островѣ, поздно вечеромъ, у Крамзиныхъ, къ тайному трепету всѣхъ дамъ... Апокалипсическое число 666, игроки-черти, поставшіе на карту сотнями душъ, съ рогами, зачесанными подъ высокіе парики, — честь всѣхъ этихъ вымысловъ и главной нити рассказа при-

надложить Пушкину. Сидѣвшій въ той же комнатѣ Космократовъ подслушалъ, воротясь домой, не могъ заснуть всю ночь и нѣсколько времени спустя положилъ съ памяти на бумагу. Не желая, однако, быть ослушникомъ ветхозавѣтной заповѣди «не укради», пошелъ съ тетрадью къ Пушкину въ гостинницу «Демуть», убѣдиль его прослушать отъ начала до конца, воспользовался многими, понынѣ очень памятными его поправками и потомъ, по настоящему желанію Дельвига, отдалъ въ «Сѣверные Цвѣты».

Итакъ, мы имѣемъ дѣло не съ непосредственнымъ созданіемъ самого Пушкина: написанъ «Уединенный домикъ» не имъ, а Титовымъ. Однако, не только замыселъ и фабула повѣсти, но и нѣкоторые детали ея принадлежать великому поэту, котораго каждое слово, каждая мысль, какимъ бы путемъ они ни дошли до насъ,—драгоценны. Особая, ему только присущая, цѣнность «Уединеннаго домика» заключается въ томъ, что онъ позволяетъ съ увѣренностью вскрыть взаимную внутреннюю связь въ цѣломъ рядѣ петербургскихъ повѣстей Пушкина.

Для ознакомленія съ фабулой мы отсылаемъ читателя къ самой повѣсти. Мы, вѣроятно, никогда не узнаемъ, сдѣлалъ ли Титовъ въ этой фабулѣ какія-либо измѣненія, или же она была рассказана Пушкинымъ именно такъ, какъ «Титъ Космократовъ» записалъ ее. Судя по приведенному выше письму, существеннымъ намѣ-

неніямъ она не подверглась. Не узнаемъ мы и того, какихъ именно мѣстъ коснулась Пушкинская рука въ печатной редакціи «Уединеннаго домика на Васильевскомъ».

Трудно гадать и о томъ, съ какимъ чувствомъ Пушкинъ сдѣлалъ Титову свой подарокъ. Уступилъ ли онъ планъ повѣсти оттого, что не придавалъ ему большой цѣны? Постѣснялся ли отказать расторопному поклоннику, явившемуся съ готовой записью? Уступилъ ли, наконецъ, «ласковому насилію», мысленно пожавъ плечами и обозвавъ Титова крѣпкимъ словомъ? Какъ бы то ни было—повѣсть досталась Титову, тотъ напечаталъ ее въ альманахѣ Дельвига, и Пушкинъ не только не протестовалъ, но и внесъ въ рукопись какія-то поправки. Однако, изъ этихъ предположеній вѣроятнѣе второе: Пушкинъ врядъ ли съ особой легкостью отказался отъ повѣсти. Мы не знаемъ, во что превратилась бы она подъ перомъ самого поэта, если бы не была подарена Титову, но у насъ есть основанія предполагать, что окончательно разстаться съ ней Пушкинъ не захотѣлъ.

Основная тема «Уединеннаго домика» съ совершенной ясностью выражена въ заключительныхъ словахъ повѣсти: «откуда у чертей эта охота вмѣшиваться въ людскія дѣла?» Выраженный быть можетъ не съ такой рѣзкостью, расширенный, осложненный и углубленный,—но все же именно этотъ самый вопросъ является

основной темой цѣлаго ряда произведеній Пушкина, созданныхъ въ два «болдинскихъ» періода, изъ которыхъ первый непосредственно слѣдовалъ за описанными событіями.

Вмѣшательство темныхъ, невидимо, но близко окружающихъ насъ силъ, то, какъ это гмѣшательство протекаетъ и чѣмъ кончается,—вотъ основной мотивъ «Домика въ Коломнѣ», «Мѣднаго Всадника» и «Пиковой Дамы».

Подаривъ Титову фабулу своей повѣсти, быть можетъ еще не до конца продуманную, самъ Пушкинъ не избавился отъ соблазна вернуться къ основной темѣ «Уединеннаго домика». «Домикъ въ Коломнѣ»—первая попытка, сдѣланная имъ въ этомъ направленіи. «Домикъ въ Коломнѣ» написанъ въ Болдинѣ, въ октябрѣ 1830 года. Быть можетъ, именно недавняя уступка «Уединеннаго домика» Титову была причиной того, что въ «Домикъ въ Коломнѣ» Пушкинъ съ одной стороны подошелъ къ темѣ на этотъ разъ наиболѣе реалистически, а съ другой стороны—разрѣшилъ ее такъ легко. Можно предполагать, что онъ пародировалъ «Уединенный домикъ», какъ пародировалъ въ «Графѣ Нулинѣ» «исторію и Шекспира».

Такъ бы то ни было—уже самое название повѣсти Пушкина является какъ бы параллелизмомъ къ Титовской повѣсти: «Уединенный домикъ на Васильевскомъ»—«Домикъ въ Коломнѣ». Во второмъ случаѣ отброшенъ эпитетъ и избрана другая окraina все того же Петербурга.

И въ самой повѣсти внимательный вѣтливый находитъ такія же параллельныя мѣста.

«Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, когда сей околотокъ былъ еще уединеннѣе, въ низкомъ, но опрятномъ деревянномъ домикѣ... жила старушка, вдова одного чиновника... Все ея семейство составляли дочь и престарѣлая сестрижанка». Такъ начинается фабула «Уединеннаго домика на Васильевскомъ». И Пушкинъ, едва усадивъ свою распалившуюся Музу, цѣлыхъ двѣ октавы наболтавшую о Буало, объ александрійскомъ стихѣ, господинѣ Копѣ и многомъ другомъ,—начинаетъ самое повѣствованіе такими словами:

...Жила была вдова,
Тому лѣтъ восемь, бѣдная старушка,
Съ одною дочерью. У Покрова
Стояла ихъ смиренная лачужка...

И была у нихъ, въ довершеніе сходства, «стряпуха Ѳекла, добрая старуха».

Какъ видимъ, и тамъ, и здѣсь обстановка и мѣсто дѣйствія весьма схожи: маленькій, бѣдный домикъ на петербургской окраинѣ. Дѣйствующихъ лицъ Пушкинъ просто оставилъ тѣхъ же, назвавъ лишь Вѣру Парашей. Обѣ онѣ—равно простыя, милыя дѣвушки, равно исправно посѣщающія церковь. Жизнь одинаково мирно течетъ и въ домикѣ на Васильевскомъ, и въ домикѣ, стоящемъ въ Коломнѣ.

Но вотъ—въ эту жизнь вторгается посторонняя, темная сила; какъ Вареломей вторгся

въ уединенны домикъ, такъ и теперь въ домикъ коломенскій вторгается нѣкто невѣдомый. Всѣ черные замыслы Вареоломея направлены въ сторону чистой, невинной Вѣры. Такая же невинная Параша сама служить причиной вторженія, помогаетъ этому вторженію осуществиться: поздно ночью приводитъ она въ домъ новую служанку, взамѣнъ умершей Теклы.

Вареоломей несомнѣнный дьяволъ. Объ этомъ въ «Уединенномъ домикѣ на Васильевскомъ» говорится сперва смутными намеками, затѣмъ намеки становятся все прозрачнѣе, и наконецъ личина съ лица Вареоломея спадаетъ окончательно. Новая кухарка вдовы—врядъ ли даже самый мелкій бѣсъ. Скорѣе всего—это просто разбитной паренъ, невысокаго полета птица, гдѣ-то, когда-то сумѣвшій прельстить неопытное сердце Парашы. Во всякомъ же случаѣ, это—темная личность, не ограничившаяся ухаживаніемъ у воротъ да на гуляніи, но рѣшившая переступить мирный порогъ вдовы, свить гнѣздо въ домѣ жертвы. Въ пушкинской пародіи она занимаетъ то же мѣсто, какое въ сугубо-романтической повѣсти Титова занимаетъ демоническій Вареоломей. И кто знаетъ, какія бѣды начались бы, какіе пошлы бы «грѣхи», если бы разъ, стоя въ церкви, не затревожилась вдова. «Мнѣ что-то страшно», сказала она дочери. И вотъ

..... съ паперти долой
Чуть-чуть моя старушка не слезла;
Въ ней сердце билось, какъ передъ бѣдой

Паническая тревога охватила старуху, когда та была въ церкви. Примѣчательно, что и въ «Уединенномъ домикѣ на Васильевскомъ» есть моментъ, внутренне сходный: Павелъ, гуляя въ обществѣ Вареоломея, совсѣмъ было забылъ о Вѣрѣ; и вотъ, «однажды въ день воскресный, послѣ ночи, потерянной въ разсѣянности, Павелъ вернулся поздно поутру. Раскаяніе, недовѣріе давно такъ его не мучили. Первая мысль его была итти въ церковь, гдѣ давно, давно онъ не присутствовалъ. Но взглянувъ на часы, онъ увидѣлъ, что проспалъ часть обѣдни». Тогда онъ рѣшилъ отправиться прямо къ Вѣрѣ, но тотчасъ встрѣтилъ Вареоломея. Съ этого момента и начинается вторженіе дьявола въ жизнь уединеннаго домика.

Павелъ проспалъ обѣдню, старуха—нѣтъ. Павелъ накликалъ вторженіе Вареоломея, старуха въ церкви встревожилась—и предотвратила бѣдствія, грозившія отъ вторженія, уже совершившагося. Ея немудреное сердце было право. Не прибѣги она домой, не накрой «Маврушку» передъ Парашинымъ зеркальцемъ, съ намышленной щекой и съ бритвой въ рукахъ,—могла бы бредущая кухарка не только «обокрасть да улизнуть», чего такъ боялась вдова, но и надѣлать бѣдъ покрупнѣе. Можетъ быть, если бы зятѣи лихого человѣка осуществились, не дождала бы Параша и до «вечера осени ненастной». Я утопилась бы раньше, какъ бѣдная Лиза, въ тѣхъ тонилкахъ, навѣкъ губя душу, многія